

ШАРОН КРИЧ

Две луны

«Ты не можешь запретить птицам печали виться у тебя над головой, но ты можешь не дать им свить гнездо в твоих мыслях».

Шарон Крич

Две луны

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Крич Ш.

Две луны / Ш. Крич — «Эксмо», 1994

ISBN 978-5-04-100262-6

Шарон Крич стала первым автором, одновременно обладающим двумя престижнейшими литературными премиями в области детской литературы: медалью Ньюбери (США) и медалью Карнеги (Великобритания).

Тринадцатилетняя Саламанка, или просто Сэл, переезжает вместе с папой в другой штат. И тут всё не так: нет заводи для купания, клёнов и лугов. Тоска, да и только. Но знакомство с Фиби Уинтерботтом, девочкой с очень богатым воображением, заставляет Саламанку передумать! У Фиби пропала мама, будто бы внезапно появился собственный... псих и вообще всё идёт наперекосяк! Сэл готова помочь новой подружке в поисках мамы, ведь она точно знает, как это горько: привыкать к тому, что мама уже никогда не вернётся.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100262-6

© Крич Ш., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шарон Крич

Две луны

Посвящается моей сестре и братьям: Сэнди, Деннису, Дуги, с любовью

Не суди человека, пока не обойдёшь две луны в его мокасинах

Глава 1

Лицо в окне

Дедушка говорит, что душа у меня крестьянская, – и это правда. Почти все свои тринадцать лет я прожила в Бибэнксе, штат Кентукки – а это просто горстка домов, разбросанных по зелёной луговине на берегу Огайо. Примерно год назад папа выдрал меня с корнем, как сорняк, и забрал со всеми пожитками (а вот это неправда: он не забрал ни орех, ни иву, ни клён, ни сеновал или заводь для купания – всё, что было здесь моим) в машину, на которой мы проехали триста миль прямо на север и остановились у дома в городе Юклид, штат Огайо.

– Без деревьев? – спросила я. – Это здесь мы будем жить?

– Нет, – ответил отец. – Это дом Маргарет.

Передняя дверь отворилась, и в проёме показалась леди с растрёпанными рыжими волосами. Я в тоске оглянулась. Дома по всей улице сбились в тесный ряд, как куры на насесте. Перед каждым домом имелась крошечная лужайка. Между лужайками и серой дорогой была проложена серая пешеходная тропинка.

– А где амбар? – спросила я. – Река? Заводь для купания?

– Ох, Сэл! – ответил отец. – Перестань. Это Маргарет, – и он махнул рукой в сторону леди на крыльце.

– Нам надо вернуться. Я кое-что забыла. Тем временем леди с растрёпанными рыжими волосами широко распахнула дверь и вышла на крыльцо.

– У меня в спальне, – продолжала я, – под половицей. Я там спрятала кое-что, и я должна всё забрать.

– Не дуйся. Ступай и познакомься с Маргарет.

Но я не хотела знакомиться с Маргарет. Я стояла у машины и оглядывалась, и вот тогда-то я и заметила лицо, прижатое к оконному стеклу на втором этаже соседнего дома. Это было круглое девичье лицо, и оно явно выражало испуг. Тогда я ещё не знала, что увидела лицо Фиби Уинтерботтом, девочки с чрезвычайно развитым воображением, моей будущей подруги и той, вокруг которой постоянно творились очень странные дела.

В недалёком прошлом, трясясь на протяжении шести дней в салоне автомобиля со своими бабушкой и дедушкой, я рассказала им историю Фиби, и едва я закрыла рот – или ещё во время самого рассказа, – то поняла, что эта история – как штукатурка на стенах нашего старого дома в Бибэнксе, штат Кентукки.

Папа принялся обдирать штукатурку со стен в гостиной дома в Бибэнксе почти сразу после того, как мама ушла от нас одним апрельским утром. Наш дом был старинным фермерским домом, который мои родители пытались восстановить своими силами, комната за комнатой. Каждую ночь, не в силах просто сидеть и ждать известий от мамы, папа начинал обдирать эту стену.

Вот и в ту ночь, когда известия наконец пришли – что она не вернётся, – он долбил и долбил стену молотком и зубилом. В два часа утра он вошёл ко мне в комнату. Я не спала. Он повёл меня вниз и показал свою находку. За оштукатуренной стеной оказался камин из кирпичей.

Вот почему история Фиби напомнила мне эту фальшивую стену со спрятанным за ней камином: под историей Фиби была скрыта ещё одна история. Моя.

Глава 2

Цыплёночек начинает рассказ

Сразу после всего, что случилось с Фиби, у бабушки с дедушкой зародился план добраться на машине из Кентукки в Огайо, чтобы захватить меня с собой, и уже втроём проехать ещё пару тысяч миль до Льюистона, штат Айдахо. Вот так я оказалась почти на неделю заперта с ними в салоне автомобиля. Не то чтобы это было путешествие моей мечты – скорее это было путешествие долга.

– Мы увидим всю страну жевунов!¹– заявил дедушка.

А бабушка ущипнула меня за щёку и добавила:

– И я снова-снова-снова буду с моим самым любимым цыплёночком!

Кстати, цыплёночек я у неё один-единственный.

Папа сказал, что, поскольку дедушка совсем не умеет читать карты, можно только радоваться, что я согласилась поехать и не дать им заблудиться. Мне было всего тринадцать, и, хотя я действительно немного разбиралась в картах, не это было главной причиной, позвавшей меня в дорогу, равно как и объявленное бабушкой и дедушкой желание посмотреть всю страну жевунов. Настоящие причины были скрыты под грудями и грудями неназванных причин.

И вот некоторые из этих настоящих причин.

Бабушка с дедушкой хотели повидаться с мамой, которая обрела покой в Льюистоне, штат Айдахо.

Бабушка с дедушкой знали, что я тоже хочу повидаться с мамой, хотя ужасно боюсь.

Папе хотелось остаться наедине со своей рыжей Маргарет Кадавр. Он уже повидался с мамой, но меня с собой не брал.

А кроме того (хотя это и не было самым важным), папа не полагался на способность бабушки с дедушкой вести себя прилично без моего присмотра. Папа сказал, что, если они решатся ехать одни, ему останется единственный способ не тратить попусту время и избежать кучи неприятностей: вызвать полицию, чтобы они задержали пожилую пару ещё до того, как те окажутся на трассе. Кому-то это может показаться диким: чтобы человек сам потребовал ареста пожилых родителей. Но это правда: стоит дедушке сесть за руль, и неприятности несутся за ним вскачь, как табун молодых кобыл за жеребцом.

Мои бабушка и дедушка Хиддл – папины родители, невероятно обаятельные и милые люди, вот только это обаяние приправлено изрядной долей эксцентричности. Такое сочетание делает общение с ними чрезвычайно интересным, если не думать о том, что они могут отколоть или ляпнуть в следующую минуту.

Едва мы приняли решение, что отправимся в дорогу втроём, мною стала овладевать странная тревога, необходимость спешить – как будто надо мной сгущалась невидимая грозная туча. Всю неделю, оставшуюся до отъезда, ветер нашептывал мне дни напролёт: *скорей-скорей-скорей*, а ночью даже сама темнота присоединяла к этому свой голос: *спеши-спеши-спеши!* Я так измучилась, что уже перестала надеяться, что мы наконец-то выедем, и в то же время какая-то часть меня страшилась этой поездки. Я совершенно искренне боялась, что это приключение мне не пережить.

Но я решила поехать и поехала, и я должна была попасть туда к маминому дню рождения. Это казалось особенно важным. Я верила, что, если остался хоть какой-то шанс вернуть маму домой, он сработает только в её день рождения. Попробуй я признаться в этом папе или бабушке с дедушкой, они бы заявили в один голос, что я с таким же успехом могу удить рыбу

¹ Здесь и ниже отсылки к «Удивительному волшебнику из страны Оз». (Примеч. перев.)

в небесах, так что я держала рот на замке. Но я верила. Иногда по вредности и упрямству я запросто могу переплюнуть старого осла. Папа ворчит, что я вечно строю замки из песка и что однажды мне придётся упасть с небес на землю.

Когда наконец мы с бабушкой и дедушкой Хиддл начали свой первый день путешествия, первые полчаса я была целиком сосредоточена на молитве. Я молилась, чтобы с нами не случилась авария (я всегда боялась машин и автобусов), и чтобы мы успели к мамину дню рождения (через семь дней после отъезда), и чтобы мы привезли её домой. Снова и снова я повторяла свою молитву. В молитвах я обращалась к деревьям. Это намного проще, чем молиться прямо Богу. Ведь поблизости всегда можно найти хоть какое-нибудь дерево.

Когда мы выехали на скоростную трассу Огайо (самый прямой и ровный отрезок дорожного полотна из всего, сотворённого Богом), мою молитву перебила бабушка:

– Саламанка...

Здесь я лучше сразу объясню, что моё полное имя Саламанка Дерево Хиддл. Саламанкой, как считали мои родители, звали индейское племя, из которого вышли мои далёкие предки. Родители ошиблись. Это племя звалось сенокой, но поскольку об ошибке узнали намного позже моего рождения и вдобавок все успели привыкнуть к моему имени, я так и осталась Саламанкой.

Моё второе имя, Дерево, дано в честь предка всех деревьев, чья неземная красота так повлияла на маму, что она сделала его частью моего имени. Она вообще хотела сделать имя ещё более звучным и назвать меня своим любимым деревом – Сахарным Клёном, вот только даже для неё Саламанка Дерево Сахарный Клён Хиддл показалось немного слишком.

Мама обычно звала меня Саламанкой, но с тех пор как она покинула нас, так обращалась ко мне только бабушка Хиддл (когда не называла меня цыплёночком). Для большинства же прочих я была просто Сэл, а для нескольких отпетых мальчишек в классе – Саламандра (им кажется, что это ужасно смешно).

Сев в машину, чтобы ехать в Льюистон, штат Айдахо, бабушка Хиддл сказала:

– Саламанка, почему бы тебе не развлечь нас?

– И как ты себе это представляешь?

– Ты же умеешь рассказывать истории? – предложил дедушка. – Порадуй-ка нас небылицей!

У меня в памяти хранилось множество историй, вот только почти все они были рассказаны мне дедушкой. Бабушка предложила рассказать что-нибудь о маме. Нет, только не это. Я едва научилась не думать о ней каждую минуту каждого нового дня.

– Ну что ж, – не сдавался дедушка, – тогда расскажи про друзей! Ты ведь знаешь о них какие-нибудь истории?

В ту же секунду я подумала о Фиби Уинтерботтом. Уж о ней я могла рассказывать сутками напролёт.

– Это будет история про очень странные дела, – предупредила я.

– Ох как здорово! – восхитилась бабушка. – Именно то, что надо!

Вот так мне пришлось отвлечься от молитв деревьям и рассказать им о Фиби Уинтерботтом, её пропавшей матери и психованном незнакомце.

Глава 3

Отвага

Поскольку впервые я увидела Фиби в тот день, когда мы с папой приехали в Юклид, я должна начать свою историю о Фиби со знакомства с рыжеволосой Маргарет Кадавр, у которой я заодно познакомилась с миссис Партридж, её старушкой-матерью. Маргарет буквально из кожи вон лезла – так старалась мне понравиться.

– Какие чудесные волосы, – заявила она. – Ну разве ты не прелесть?

Я вовсе не собиралась быть прелестью, и особенно в тот день. Я была особенно вредной. Я не согласилась присесть и отдохнуть и упорно не желала смотреть Маргарет в лицо.

– Джон, – громко прошептала Маргарет на пороге, – ты так и не рассказал ей, как мы познакомились?

– Нет, – ответил папа, почему-то смутившись. – Я пытался – но она просто не захотела слушать.

И это было чистой правдой. Да какое мне до них дело? Ещё чего. Мне совершенно всё равно, как папа познакомился с Маргарет Кадавр.

Когда нам наконец удалось распрощаться с миссис Кадавр и миссис Партридж, мы проехали ещё буквально три минуты. Место, где нам с папой теперь предстояло жить, находилось всего в двух кварталах от дома Маргарет Кадавр.

Чахлые тощие деревца. Крохотные домишки-курытники, выстроившиеся тесным рядом, – и один из этих курятников наш. Никакой заводи для купания, ни амбара, ни коров, ни цыплят, ни поросят. Вместо всего этого – тесный домик с ковриком зелёной травы перед ним. Корове этой травы не хватило бы и на пять минут.

– Давай здесь всё осмотрим, – предложил папа с нарочитой бодростью.

И мы прошли через маленькую гостиную в мини-кухню и поднялись наверх, где находилась папина спальня с носовой платок, и моя спальня – с почтовую марку, и совсем крошечная ванная. Из окна второго этажа я рассмотрела задний двор. Одну половину этого ничтожного пространства занимало забетонированное патио, а вторую – ещё один зелёный лоскуток – лужайка, которую корова ощипала бы за две минуты. И всё это окружал высоченный деревянный забор, а по правую и левую стороны от него виднелись точно такие же огороженные участки.

Вскоре прибыл фургон с вещами из Бибэнкса. Грузчики занесли их в гостиную нашего курятника, и мы с папой едва сумели туда пробраться, протиснувшись между диванами и креслами, и коробками, коробками и коробками.

– Ммм, – заметил папа. – Похоже, нам предстоит запихать целый скотный двор в один птичник.

Три дня спустя я пошла в школу и снова повстречалась с Фиби. Нам предстояло учиться в одном классе. Большинство моих одноклассников говорили какими-то торопливыми рваными фразами, одевались в неудобные странные вещи и носили скобки на зубах. Почти у всех девочек была одинаковая причёска. Почему-то они называли её «боб»: волосы, подстриженные до плеч, и длинная чёлка, свисавшая на глаза, так что её то и дело приходилось отбрасывать. У нас когда-то была лошадь, которая делала точно так же.

И всё они ринулись щупать мои волосы, забросав вопросами:

– Ты их никогда не стрижёшь?

– Ты можешь на них сесть?

– Ты пользуешься кондиционером?

Я так и не поняла: то ли они восхищаются мною, то ли видят во мне нелепое чудо-юдо. Одна девочка, Мэри Лу Финни, выдавала такие странные вещи, что казалась не в себе:

– О Всемогущий!.. Мозги всмятку! – Я ничего не понимала.

Ещё там были Меган и Кристи, которые так и скакали, как горошины из стручка, и вечно надутая Бет-Энн, и румяный Алекс. Бен днями напролёт рисовал комиксы, а мистер Биркуэй показался мне самым странным учителем английского.

Ну и конечно, там была Фиби Уинтерботтом². Бен дразнил её Фиби-со-льдом и нарисовал картинку: толстый мальчишка сидит на куске льда.

Фиби показалась мне большой тихоней, и держалась она особняком.

Мне понравилось её мягкое округлое лицо и особенно огромные небесно-голубые глаза. И всё это в обрамлении коротко остриженных кудряшек ярко-жёлтого цвета, как лапки вороны.

На протяжении всей первой недели каждый раз, когда мы с папой заходили к Маргарет (мы ужинали у неё целых три раза), я ещё два раза замечала лицо Фиби в окне второго этажа. Я даже помахала ей однажды, но она как будто не заметила, и в школе никак не дала понять, что уже видела меня прежде.

Просто однажды она под села ко мне в обеденный перерыв и сказала:

– Ты такая смелая, Сэл. Ты всегда поступаешь храбро.

Честно признаться, я удивилась. Я всегда легко могла испугаться собственной тени.

– Я? Нет, я не смелая.

– Правда. Ты смелая.

Это не так! Меня, Саламанку Дерево Хиддл, пугало великое множество всего. Например, я испытываю особенный ужас перед автомобильными авариями, смертью, раком, опухолью мозга, ядерной войной, беременными, громом и грохотом, строгими учителями, лифтами... И этот список бесконечен. Зато я не боюсь пауков, змей и ос. А Фиби, как почти все в этом классе, не испытывала любви к подобным созданиям.

Получилось так, что в тот день я обнаружила, что мою парту исследует здоровенный чёрный паук. Я осторожно смахнула его на ладонь, отнесла к окну и выпустила наружу. Мэри Лу Финни воскликнула:

– Альфа и Омега, вы только посмотрите! Бет-Энн стала белее мела. И все остальные в классе стали вести себя так, будто я только что одной левой завалила огнедышащего дракона у них на глазах.

С тех пор я успела заметить, что, если окружающие ожидают от тебя отважных поступков, иногда ты делаешь вид, что действительно полон отваги, хотя на самом деле у тебя душа уходит в пятки от страха. Но я осознала это позже: я додумалась до причин своих поступков во время суеты из-за Фибиного психа.

На этом месте бабушка перебила мой рассказ:

– Ну что ты, Саламанка. Ты действительно очень храбрая. Все Хиддлы – отчаянные храбрецы. Это же наша фамильная черта! Да взять хотя бы твоего папу, и твоя мама...

– Мама не настоящая Хиддл, – возразила я.

– Она практически Хиддл, – бабушка несколько не смутилась. – Невозможно быть столько времени замужем за Хиддлом и не *стать* Хиддл.

Вообще-то гораздо чаще мама говорила другое. Она жаловалась папе:

– Вы, Хиддлы, – для меня загадка. Мне никогда не стать настоящей Хиддл.

И звучало это совсем не гордо. Это звучало так, как будто она стыдится. Как будто в этом крылась какая-то её неудача.

Мамины родители – то есть другие мои дедушка с бабушкой – носили фамилию Пикфорд, и они так же мало походили на родителей Хиддл, как осёл похож на соленья. Бабушка

² Уинтерботтом от *англ.* Winterbottom— «зимнее дно». (Примеч. ред.)

и дедушка Пикфорд всегда держались так прямо, как будто у них вместо позвоночника был металлический штырь. Они одевались в туго накрахмаленную и отглаженную одежду, а когда хотели показать, что удивлены или шокированы (что случалось с ними постоянно), восклицали: «Неужели? Да что вы говорите!» При этом они широко распахивали глаза и скорбно опускали уголки губ.

Как-то я спросила у мамы, почему мои дедушка и бабушка Пикфорд никогда не смеются. Мама сказала:

– Они слишком стараются выглядеть респектабельно. А ведь это требует столько сил – выглядеть респектабельно!

Тут мама засмеялась, и смеялась очень долго и так искренне, что никому бы и в голову не пришло, что у неё в спине металлический штырь: она так устала смеяться, что даже немного сторбилась.

Мама рассказала, что бабушка Пикфорд решилась на один-единственный бунтарский поступок за те годы, что носила фамилию Пикфорд. Бабушка Пикфорд, которую звали Серое Пёрышко, дала маме имя Чанхассен. Это было индейское имя, означавшее «сладкий древесный сок», или – иными словами – кленовый сахар. Правда, этим индейским именем звала маму только бабушка Пикфорд. Все остальные звали её Сахарок.

Мама почти никогда ничем не напоминала своих родителей, и мне было очень трудно представить, что она выросла в такой семье. Однако очень редко, на какие-то неожиданные мгновения уголки губ у мамы опускались, как будто она готова была воскликнуть: «Неужели? Да что вы говорите!» В точности как настоящая Пикфорд.

Глава 4

А я тебе что говорю!

В тот день, когда Фиби подседа ко мне за обедом, она пригласила меня к себе на ужин. Честно говоря, я была только рада: уж очень не хотелось снова ужинать у Маргарет. Меня тошнило при виде улыбочек, которыми обменивался с ней папа.

Я хотела, чтобы всё стало так, как *было*. Я хотела вернуться в Бибэнкс, штат Кентукки, к холмам и деревьям, к коровам, цыплятам и поросётам. Я хотела пробежаться с горки, от амбара к дому и влететь на кухню через заднюю дверь, чтобы увидеть, как мама с папой сидят за столом и чистят яблоки.

Из школы мы с Фиби пошли вместе. Мы только на минутку задержались возле нашего дома, чтобы я могла позвонить папе на работу. Маргарет помогла ему найти место продавца сельскохозяйственной техники. Он заверил, что счастлив, как устрица в прилив, что у меня появилась подруга. А я подумала: то ли он действительно счастлив за меня, то ли счастлив потому, что может побыть наедине со своей Маргарет Кадавр.

Наконец мы с Фиби оказались возле её дома. Минувя дом Маргарет Кадавр, я услышала:
– Сэл! Сэл! Это ты?

В тени на крыльце в кресле-качалке сидела мама Маргарет, миссис Партридж. Поперёк коленей у неё лежала толстая узловатая трость с рукоятью в виде головы кобры. Тёмно-бордовое платье она задрала высоко к коленям, а ноги расставила так, что видно было всё у неё под юбкой – как ни противно об этом упоминать. На шею старуха намотала какое-то подобие шарфа из жёлтых перьев. («Моё боа, – сообщила она мне однажды, – моё любимое боа!»)

Не успела я двинуться в её сторону, как Фиби схватила меня за руку и сказала:

– Не ходи туда!

– Это же всего лишь миссис Партридж, – удивилась я, – перестань!

– Кто там с тобой? – спросила миссис Партридж. – И что там у неё с лицом?

Я уже знала, к чему она клонит. Она проделала это со мной в нашу первую встречу.

Фиби прижала ладони к лицу, стараясь нащупать, что с ним такое.

– Поди сюда, – велела миссис Партридж. И она поманила Фиби миниатюрным корявым пальчиком.

Миссис Партридж пробежалась пальцами по Фибиному лицу, щекам и векам.

– Так я и знала. Два глаза, нос и рот, – и миссис Партридж разразилась ехидным смехом, больше всего похожим на каменный скрежет. – Тебе тринадцать лет.

– Да, – ответила Фиби.

– Я знала, – заявила миссис Партридж. – Я просто знала, – и она гордо похлопала по своему жёлтому боа из перьев.

– Это Фиби Уинтерботтом, – представила я. – Она живёт в соседнем с вами доме.

– Зря ты это сделала, – прошептала Фиби, не успели мы сойти с крыльца. – Зря сказала, что я живу в соседнем доме.

– Почему? Не похоже, чтобы ты так уж хорошо была знакома с миссис Кадавр и с миссис Партридж, чтобы...

– Они сами только что переехали. Месяц назад или даже меньше.

– Тебе не кажется удивительным, как она угадала твой возраст?

– Ничего удивительного здесь не вижу, – и не давая мне рта раскрыть, Фиби пустилась в описание того, что случилось на ярмарке штата, куда они поехали всей семьёй: мама с папой, Фиби и её сестра Пруденс. Там в одном балагане высокий и тощий тип собрал целую толпу, угадывая возраст всех желающих.

– И что он такого делал? – недоумевала я.

– А я тебе что говорю! – выдала Фиби.

Иногда она ведёт себя до отвращения похоже на взрослую. И это её «А я тебе что говорю!» звучало так, будто взрослый обращается к мелкому несмышлёнышу. – Вот это самое он и делал – угадывал возраст людей. И все вокруг наперебой восхищались: «Ах!» и «Невероятно!» И либо он отгадывал твой возраст плюс-минус год, либо ты выигрывал приз – плюшевого медведя.

– И как он это делал?

– А я тебе что говорю! – повторила Фиби. – Этот тощий тип долго смотрел на кого-нибудь в упор, потом закрывал глаза, тыкал в него пальцем и говорил: «Семьдесят два!»

– Что, всем подряд? Он угадывал, что всем вокруг было по семьдесят два года?

– Сэл... А я что тебе пытаюсь сказать? Это же просто пример! Он мог сказать и «десять», и «тридцать»... или «семьдесят два»! Смотря кто перед ним стоял. Это было потрясающе.

Вообще-то мне казалось гораздо более потрясающим то, что это могла сделать миссис Партридж, но я промолчала.

Папа Фиби тоже захотел, чтобы тощий человек угадал его возраст.

– Папа считает, что выглядит очень молодо, и был уверен в том, что сможет его обмануть. Тощий человек посмотрел на папу, закрыл глаза, ткнул в него пальцем и крикнул: «Пятьдесят два!» Папа громко охнул, а все кругом тоже начали охать и повторять «Невероятно!», и всё такое. Но папа заставил их замолчать.

– Почему?

Фиби дёрнула себя за жёлтую кудряшку. Похоже, она уже пожалела, что вообще рассказала мне про этот случай.

– Потому что ему вовсе не было пятьдесят два года. Ему было всего тридцать восемь.

– Ух ты!

– И потом до самого вечера папа ходил за нами по ярмарке как потерянный и прижимал к себе приз – здоровенного плюшевого медведя зелёного цвета. И повторял: «Пятьдесят два... *Пятьдесят два?* Неужели я выгляжу на пятьдесят два?!»

– А он не выглядит на пятьдесят два?

– Нет! – Фиби ещё сильнее рванула свою кудряшку. – Он не выглядит на пятьдесят два! – Она оказалась очень щепетильной во всём, что касалось её папы.

Её мама встретила нас на кухне.

– Я пеку пирог с ежевикой, – сказала миссис Уинтерботтом. – Надеюсь, ты любишь ежевику... или нет? Не страшно, если ты не любишь ежевику, я могу...

– Нет, – возразила я. – Я люблю ежевику. Просто у меня, кажется, иногда бывает аллергия.

– На ежевику? – всполошилась миссис Уинтерботтом.

– Нет, не на ежевику.

Честно говоря, я вообще не страдаю аллергией, но и признаться, что ежевика напоминает мне о маме, я тоже не смогла.

Миссис Уинтерботтом усадила нас с Фиби за кухонный стол и потребовала рассказать, как прошёл день. Фиби рассказала, как миссис Партридж угадала её возраст.

– Она действительно необыкновенная, – добавила я.

– Она вовсе не *такая уж* необыкновенная, Сэл, – возразила Фиби. – Не думаю, что здесь вообще подходит это слово: *необыкновенная*.

– Но Фиби, – не сдавалась я, – миссис Партридж слепая.

– *Слепая?*! – в один голос воскликнули Фиби и её мама.

Позже Фиби спросила у меня:

– Тебе не кажется странным, что совершенно слепая миссис Партридж могла что-то во мне разглядеть, а вот я, хотя и могу видеть, оказалась слепой по отношению к ней? И если уж речь пошла об очень странных делах, миссис Кадавр тоже очень странная.

– Маргарет? – удивилась я.

– Она пугает меня до полусмерти, – призналась Фиби.

– Почему?

– А я что тебе говорю! Во-первых, само её имя: *Кадавр*. Ты хоть знаешь, что значит это слово?

Ну вообще-то я не знала.

– Это значит *мёртвое тело*.

– Ты серьёзно?

– Ещё как серьёзно, Сэл! Хочешь – сама проверь по словарю. Тебе известно, на что она живёт, то есть кем она работает?

– Да, – я была рада, что могу ответить. Я была рада знать хотя бы *что-то*. – Она медсестра.

– Вот оно! – оживилась Фиби. – Ты бы доверилась медсестре, чьё имя означает *мёртвое тело*? А эти её волосы? Тебе не кажется, что все эти торчащие лохмы – просто *жуть*? И голос у неё ужасный: как будто ветер шелестит мёртвыми листьями.

В этом и заключалось обаяние Фиби. В её мире просто не было места обычным людям. Они могли быть либо безупречными – как её отец – или, в большинстве своём, психами и маньяками с топором. И она могла убедить меня в чём угодно – а уж про Маргарет Кадавр и подавно. И для меня с того дня волосы Маргарет Кадавр выглядели жутко, а голос звучал в точности как шелест мёртвых листьев. Почему-то мне стало проще иметь дело с Маргарет, когда появились *причины* её не любить, – а я определённо её не любила!

– Хочешь узнать страшную тайну? – спросила Фиби. (Я хотела.) – Обещай, что никому не скажешь. (Я обещала.) – Может, я лезу не в своё дело, – сказала она. – Но твой папа постоянно туда ходит. Она нравится ему, верно? – Она намотала на палец многострадальную кудряшку, пока рассеянный взгляд огромных голубых глаз скользил по потолку. – Её зовут *миссис* Кадавр, верно? А ты никогда не задумывалась над тем, куда делся *мистер* Кадавр?

– Я действительно никогда...

– Ну вот, по-моему, я догадалась, – продолжала Фиби, – и это ужас, полнейший ужас.

Глава 5

Барышня в затруднении

В этом месте моего рассказа про Фиби бабушка заявила:

– А я знаю кое-кого в точности как эта Пипи!

– *Фиби*, – поправила я.

– Ну да, верно. Я знаю кое-кого в точности как Пипи, вот только зовут её Глория. И она живёт в абсолютно диком мире, где всё перевернуто с ног на голову – и это ужасно, но... ха! – в тыщу раз интереснее, чем в моём собственном.

– Глория? – переспросил дедушка. – Это не та, что отговаривала тебя выходить за меня замуж? Не та, что сказала, что я стану твоим полным крахом?

– Фу-ты ну-ты! – бабушка нисколько не смутилась. – В конце концов так и вышло: Глория была права, – она игриво пихнула дедушку локтём в бок. – И к тому же Глория сказала так только потому, что сама положила на тебя глаз!

– Чтoб тебя! – дедушка вдруг вывернул на место для отдыха на скоростной трассе через Огайо. – Я устал.

Я не хотела останавливаться. *Спеши, спеши, спеши*, шептали ветер, небо, облака, деревья. *Спеши, спеши, спеши!*

Но если дедушка с бабушкой действительно не хотели ничего, кроме как отдохнуть, то безопаснее всего и проще всего было позволить им это сделать. Неприятности слетались на них быстрее, чем осы на сладкую дыню.

Два года назад, когда они отправились в Вашингтон, штат Колумбия, их задержали за кражу колёс с автомобиля сенатора.

– Наши колёса были совсем дырявые и спустились, – оправдывался дедушка. – И мы всего лишь хотели *позаимствовать* у сенатора его колёса. Мы же собирались их вернуть!

И вы могли позволить себе это в Бибэнксе, штат Кентукки. Вы могли позаимствовать у кого-нибудь задние колёса и потом вернуть. Но вы не могли сделать это в Вашингтоне, штат Колумбия, и в особенности если машина принадлежала сенатору.

А в прошлом году бабушка с дедушкой поехали в Филадельфию, и их остановил полицейский за безответственное вождение. Он сказал дедушке:

– Вы едете по обочине!

– По обочине? – дедушка искренне удивился. – А я-то думал, что это дополнительная полоса. Это очень хорошая обочина!

Вот так мы и оказались всего в нескольких часах от начала пути в Льюистон, штат Айдахо, на безопасной стоянке возле трассы. И тут дедушка заметил женщину, склонившуюся над капотом своей машины. Она рассматривала двигатель и пыталась промокнуть белоснежным носовым платочком чёрные от смазки детали машины.

– Извините, – галантно заявил дедушка, – не могу равнодушно смотреть на барышню в затруднении. – И он ринулся на помощь.

Бабушка осталась сидеть в машине. Она отбивала на коленях ритм и напевала:

– Дождись меня в тюльпанах, когда они цветuuууут!

Беленький платочек, теперь весь в пятнах жирной смазки, беспомощно повис между пальцев у женщины, с улыбкой взиравшей на спину дедушки, вместо неё занявшего место под капотом.

– Возможно, полетело за-под-жигание, – сказал он, – или нет, – он постучал по каким-то шлангам. – Возможно, это всё из-за проклятых змей.

– О боже! – всполошилась женщина. – Змеи? В моей машине?

Дедушка нажал на шланг:

– Это я просто называю так эти штуки, – пояснил он.

– А, понятно, – сказала женщина. – И вы полагаете, что эти... эти змеи могли создать проблему?

– Может, и так, – дедушка дёрнул за шланг, и он свободно повис. – Вот, видите? – сказал он. – Отвалился.

– Ну... да, но ведь это вы...

– Проклятые змеи! – дедушка дёрнул ещё один шланг. Он тоже повис. – Гляньте-гляньте, вот ещё одна!

– Но... – Улыбка у женщины как-то увяла и больше походила теперь на тревожную гримасу.

Потребовалось ещё два часа, чтобы ни один шланг больше не был прикреплен туда, куда ему полагалось быть прикрепленным. За-под-жигание тоже было вынуто из-под капота и лежало теперь на асфальте. Вокруг были разбросаны остальные детали машины, до которых дедушка смог добраться.

Женщина вызвала механика, и только после того, как дедушка удостоверился, что механик – честный человек, который действительно может собрать машину обратно, мы снова тронулись в путь.

– Саламанка, – вскоре сказала бабушка, – расскажи нам дальше про Пипи.

– Фиби, – сказала я. – Фиби Уинтерботтом.

– Ну да, я так и сказала, – кивнула бабушка. – Пипи.

Глава 6

Ежевика

– Что там за чертовщина приключилась с миссис Кадавр? – спросил дедушка. – Ты так нам и не рассказала.

Я объяснила, что не успела Фиби толком поделиться со мной самыми жуткими делами, творившимися в доме у миссис Кадавр, как вернулся с работы её папа, и все сели обедать: мы с Фиби, мистер и миссис Уинтерботтом и сестра Фиби, Пруденс.

Фибины родители здорово напомнили мне других моих бабушку и дедушку – Пикфордов. Как и Пикфорды, мистер и миссис Уинтерботтом говорили вполголоса, короткими предложениями, и строго следили за своей осанкой на протяжении всего ужина. При этом они демонстрировали безупречную вежливость, произнося: «Да, Норма», «Да, Джордж», «Будь добра, Фиби, положи мне картофеля» и «Ты не желаешь добавки?»

Они очень строго следили за тем, что ели. Все блюда у них на столе относились к тому, что мой папа назвал бы «гарнирами»: картофель, кабачки, салат из фасоли и загадочная запеканка – я так и не разобралась, из чего она была приготовлена. Они очень переживали из-за холестерина.

Из разговоров я смогла понять, что мистер Уинтерботтом – служащий в офисе, где составляют дорожные карты. А миссис Уинтерботтом пекла, убирала, стирала и ходила в магазин. У меня сложилось странное ощущение, что миссис Уинтерботтом на самом деле вовсе не так уж нравится вся эта выпечка, и уборка, и стирка, и магазины. Я не могла бы объяснить, откуда взялось такое впечатление: просто она очень старалась, чтобы каждое произнесённое ею слово звучало как у миссис Безупречная Домохозяйка.

Например, в какой-то момент миссис Уинтерботтом сказала по-светски оживлённым тоном:

– На прошлой неделе я испекла столько пирогов, что и счёт им потеряла.

Но когда за этим последовала неловкая пауза и никто не пожелал похвалить её пироги, она едва заметно вздохнула и снова уткнулась взглядом в тарелку. А я подумала: довольно странно печь столько пирогов, если ты так переживаешь из-за холестерина.

Немного позже она сказала:

– Джордж, я так и не смогла найти твои любимые мюсли, но постаралась купить почти такие же.

Мистер Уинтерботтом продолжал есть как ни в чём не бывало, и снова в наступившей паузе миссис Уинтерботтом вздохнула и вернулась к своей тарелке.

Я искренне обрадовалась за неё, когда она сообщила, что, поскольку у Фиби и Пруденс снова начались занятия в школе, она, пожалуй, сможет вернуться на службу. Судя по всему, когда в школе начинались занятия, она работала неполный день регистратором в «Рокки Раббер». Когда её перспективу вернуться на службу снова никто не пожелал комментировать, она в очередной раз вздохнула и стала гонять по тарелке ломтик картофелины.

Несколько раз миссис Уинтерботтом обращалась к своему супругу «лапочка» или «солнышко». Это звучало так: «Лапочка, тебе положить ещё кабачков?» или «Солнышко, ты наелся?»

Почему-то все эти уменьшительные прозвища показались мне неуместными. Она была одета в простую коричневую юбку и белую блузку. На ногах у неё были удобные разношенные туфли без каблука. Она не пользовалась косметикой. И даже несмотря на довольно привлекательную внешность: правильный овал лица, золотистые вьющиеся локоны – у меня сложилось

впечатление, будто она нарочно старается выглядеть такой невыразительной, неспособной на что-то оригинальное.

А мистер Уинтерботтом, в свою очередь, старательно играл роль Отца – именно так, с заглавной О. Он гордо сидел во главе стола, демонстрируя идеально закатанные рукава идеально белой сорочки. Он даже не снял тугой галстук в строгую красно-синюю полосу. Его лицо хранило значительную мину, его голос звучал проникновенно, а слова – очень чётко. «Да, Норма», – произносил он глубоким голосом, старательно выговаривая каждый звук. «Нет, Норма». И хотя выглядел он скорее на пятьдесят два, а не на тридцать восемь – я бы ни за что не стала привлекать к этому ни его – ни тем более Фибиного – внимания.

Сестре Фиби, Пруденс, было всего семнадцать, однако она уже во всём походила на свою мать. Она чинно ела, она вежливо кивала и улыбалась в ответ на все обращённые к ней реплики.

Мне это казалось диким. Они выглядели подавляюще *приличными* и *респектабельными*.

После ужина Фиби проводила меня домой. Она сообщила:

– Хотя по виду и не скажешь, на самом деле миссис Кадавр сильна, как бык, – тут Фиби оглянулась, как будто проверяла, не подслушивает ли нас кто-то. – Я видела, как она рубила деревья и складывала поленницу из брёвен у себя на заднем дворе. И знаешь, что я думаю? Я думаю, что, может быть, она сама убила мистера Кадавра, разрубила его на куски и закопала у себя во дворе.

– Фиби! – не выдержала я.

– Ну я же всего лишь делюсь с тобой своими мыслями, и всё.

Вечером, перед тем как заснуть, я стала думать о миссис Кадавр, и мне захотелось поверить, что она была способна убить мужа, разрубить его на куски и похоронить у себя во дворе.

А потом я стала думать о ежевике и вспомнила, как мы с мамой бродили по лесным опушкам в Бибэнксе и собирали ежевику. Мы никогда не обирали на кусте все ягоды до единой. Мама говорила, что ягоды на нижних ветках надо оставить кроликам, а на верхних – птицам. Ну а те, что на высоте нашего роста, – для людей.

И лёжа в постели и вспоминая эту ежевику, я подумала ещё кое о чём. Это случилось примерно два года назад, в то утро, когда мама заспалась допоздна. Она тогда была беременна. Папа уже давно позавтракал и ушёл на ферму. А на столе он оставил два цветка, каждый в отдельном стеклянном стакане: гибискус с чёрной сердцевинкой перед моим стулом и белую петунию – перед маминым.

Когда мама тем утром спустилась на кухню, она воскликнула:

– Какая красота!

Она наклонилась к каждому из цветков, чтобы вдохнуть аромат, и добавила:

– Давай его отыщем!

Мы поспешили на холм к амбару, пролезли через проволочную изгородь и пересекли поле. Отец стоял на самом дальнем краю поля, спиной к нам, и разглядывал изгородь, уперев руки в бока.

Мама при виде его замедлила шаг. Я шла за ней след в след. Казалось, она нарочно крадётся, чтобы застать его врасплох, так что я тоже старалась не шуметь. Меня так и распирало от хохота. Это казалось отличной шуткой: незаметно подкрасться к папе, и я была уверена, что мама сейчас схватит его, и поцелует, и обнимет изо всех сил, и скажет, как ей нравятся цветы на кухне. Мама вообще обожала всё, что растёт и живёт в природе само по себе: действительно всё – ящериц, деревья, коров, гусениц, птиц, цветы, сверчков, жаб, муравьёв и поросят.

Но не успели мы дойти каких-то два шага, как папа обернулся. Это ошеломило маму, застало её врасплох. Она застыла.

– Сахарок... – начал папа.

Мама открыла рот, и я мысленно поторопила её: «Ну, давай! Обними его! Скажи ему!» Но не успела мама заговорить, папа махнул рукой на изгородь и сказал:

– Вот, полюбуйся! Всего за одно утро! – он имел в виду отрезок изгороди с заново натянутой проволокой. Капли пота блестели у него на лице и на руках.

И только тогда я увидела, что мама плачет. И папа тоже это увидел.

– Что... – начал он.

– Ох, Джон, ты такой *хороший*, – сказала она. – Ты слишком *хороший*. Вы все, Хиддлы, хорошие. Мне никогда такой не стать. Я никогда не смогу даже подумать обо всех этих вещах...

Папа беспомощно оглянулся на меня.

– Цветы, – подсказала я.

– Ох! – он попытался обнять маму своими потными руками, но она плакала и плакала, и всё получилось совсем не так, как я представляла. Вместо радости получилась печаль.

На следующее утро, когда я спустилась на кухню, папа стоял у стола и смотрел на два блюда с ежевикой. Ягоды были такие свежие, что ещё блестели от росы. Одно блюдо стояло перед его стулом, а другое перед моим.

– Спасибо, – сказала я.

– Нет, это не я, – ответил папа. – Это твоя мама.

И тут мама вошла через переднюю дверь. Папа обнял её, и они поцеловались, и это было ужасно романтично, и я хотела было отвернуться, но мама поймала меня за руку. Она притянула меня к себе и сказала мне (хотя я думаю, что предназначалось это папе):

– Видишь? Я *почти* такая же хорошая, как твой папа! – она при этом как-то смущённо хихикнула, и я почувствовала себя обманутой – сама не знаю почему.

Удивительно, как много всего можно вспомнить, просто поев пирога с ежевикой.

Глава 7

Илла-хой

– А ну-ка гляньте, гляньте! – вскричал дедушка. – Граница штата Иллинойс! – он произнёс Иллинойс «Илла-хой», как мы привыкли говорить в Бибэнксе, штат Кентукки, и я ужасно затосковала по дому, услышав это «Илла-хой».

– А что же случилось с Индианой? – удивилась бабушка.

– Ах ты мой крыжовничек! – умилился дедушка. – А где мы по-твоему были до сих пор? Мы же три часа напролёт катились по той самой Индиане! А ты так заслушалась про Фиби, что напрочь прозевала Индиану! Помнишь Эклхарт? Мы там обедали. А Саут-Бенд? В Саут-Бенде ты попросилась в туалет. Ну ты даёшь: прозевать свой родной штат! Дорогой ты мой крыжовничек! – Он считал всё это очень забавным.

И в это мгновение дорога вильнула (она действительно *вильнула* – и это был шок!), и по правую руку от нас распахнулась невероятная прорва воды. Она поражала своей синевой, как колокольчики на лугу за амбаром в Бибэнксе, и эта вода простиралась без конца – насколько хватало глаз. Она лежала передо мною, как будто бескрайний луг, только весь покрытый водой.

– Это что, океан? – бабушка удивилась. – Мы же вроде не собирались к океану?

– Крыжовничек, это озеро Мичиган, – дедушка поцеловал палец и прижал к бабушкиной щеке.

– Ничего бы так не хотела, как остудить ноги в воде! – сообщила бабушка.

Дедушка, недолго думая, пересёк все встречные полосы и вырулил на съезд. Вы и корову подоить не успели бы, как мы уже стояли босыми ногами в холодных водах озера Мичиган. Волны шлёпали прямо по нашей одежде, а крикливые чайки кружились над нами и орали так восторженно, как будто ждали нас всю жизнь.

– Па-даб-ду-ба! – напевала бабушка, ввинчивая пятки в песок. – Па-даб-ду-ба!

Вечером мы остановились переночевать в пригороде Чикаго. Из окна мотеля «Говард Джонсон» я рассматривала доступную взгляду часть Илла-хой, и это место могло быть где угодно – хоть в семи тысячах миль отсюда, от озера. По мне всё это ничем не отличалось от северного Огайо, с его плоскими равнинами и бесконечными прямыми дорогами, и я не могла не думать о том, какой долгий путь нам ещё предстоит. С темнотой ко мне снова пришёл шёпот: *спеши-спеши-спеши*.

Той ночью я лежала в постели и пыталась представить себе Льюистон, штат Айдахо, но воображение отказывалось создавать облик того места, где я никогда не бывала. И вместо этого я постоянно возвращалась в Бибэнкс.

Когда в том апреле мама уехала в Льюистон, штат Айдахо, первым делом я подумала: «Как она могла так поступить? Как она могла нас бросить?»

И хотя с каждым днём горе росло и справляться с ним было всё труднее, некоторые вещи, как это ни странно, становились проще. Когда мама была со мной, я была как зеркало. Если она была довольна, я тоже была довольна. Если она грустила, я тоже грустила. Первые несколько дней без неё я ничего не чувствовала, была как замороженная. Я просто не знала, что значит чувствовать. И я постоянно ловила себя на том, что хочу оглянуться на неё, чтобы понять, *что* мне нужно чувствовать.

Однажды, примерно через две недели после её ухода, я стояла возле изгороди и смотрела на новорождённого телёнка, пытавшегося встать на ножки. Он путался в ногах, и спотыкался, и качал тяжёлой головой, и смотрел на меня так умильно!

«Ух ты! – подумала я. – Вот сейчас я точно довольна!»

И меня удивило, как я смогла понять это самостоятельно, без маминой подсказки. И впервые в тот вечер я заснула без слёз. Я сказала себе:

– Саламанка Дерево Хиддл, ты можешь стать счастливой и без неё!

И хотя эта мысль могла показаться некрасивой и мне было очень стыдно, она *ощущалась* правильной.

В мотеле, когда я вспоминала всё это, ко мне пришла бабушка и села на мою кровать. Она спросила:

– Ты скучаешь по папе? Хочешь ему позвонить?

И хотя я скучала и ужасно хотела позвонить, я сказала:

– Нет, я в порядке, правда. – Ведь если я буду звонить ему сейчас, он может подумать, что я вредничала.

– Ну тогда хорошо, цыплёночек, – ответила бабушка, и, когда она наклонилась, чтобы меня поцеловать, я почувствовала запах детской присыпки, её любимой. Этот запах навевал на меня грусть, хотя я не понимала почему.

На следующее утро, когда мы заблудились в поисках выезда из Чикаго, я молилась: «Прошу, не дай нам попасть в аварию, прошу, дай нам приехать вовремя...»

– По крайней мере, сегодня отличный день для поездки в автомобиле, – сказал дедушка.

Наконец нам удалось найти дорогу, идущую на запад, и выехать на неё. В наши планы входила поездка по южной окраине Висконсина, заезд в Миннесоту и оттуда напрямик через Миннесоту, Южную Дакоту и Вайоминг – в Монтану, там пересечь Скалистые горы и попасть в Айдахо. Дедушка рассчитывал, что у нас уйдёт приблизительно по одному дню на каждый штат. Он не собирался нигде задерживаться до самой Южной Дакоты, зато Южная Дакота занимала особое место в маршруте.

– Мы побываем в Бэдлендс! – приговаривал он. – Мы побываем в Блэк-Хилс³!

Мне совсем не нравились оба этих названия, да и сами эти места, но я понимала, почему они так хотят туда попасть. Там бывала моя мама. Автобус, на котором она ехала в Льюистон, делал остановки во всех популярных туристических местах. И мы ехали по её следам.

³ Бэдлендс от англ. «бесплодные земли»; Блэк-Хилс – «чёрные холмы». (Примеч. ред.)

Глава 8

Псих

Мы успели изрядно отъехать от Илла-хоя, когда бабушка вспомнила:

– Давай дальше про Пипи. Что случилось потом?

– Ты хочешь послушать про психа?

– Боже правый! – воскликнула она. – Только если это не очень кровавая история. Эта твоя Пипи совсем как Глория! Псих... Ничего себе!

– А что, Глория и правда положила на меня глаз? – поинтересовался дедушка.

– Может, да, а может, нет, – ответила бабушка.

– Ну, чтоб тебя, я же только спросил...

– Сдаётся мне, – заявила бабушка, – пока ты за рулём, тебе и так есть о чём беспокоиться, помимо Глории...

Дедушка подмигнул мне в зеркале заднего вида:

– Сдаётся мне, наш крыжовничек ревнует!

– Ничего подобного, – отрезала бабушка. – Цыплёночек, рассказывай дальше про Пипи.

Я была только рада продолжать историю про Фиби, ведь я совсем не хотела, чтобы дедушка с бабушкой поссорились из-за Глории.

Как-то в субботу утром мы были у Фиби, когда позвонила Мэри Лу Финни и пригласила нас в гости. Фибиных родителей не было дома, и Фиби сама старательно обошла весь дом, проверяя, заперты ли все до одной двери и окна. Её мама уже всё проверила, но заставила пообещать Фиби, что она проверит ещё раз. «Просто на всякий случай», – сказала миссис Уинтерботтом. Я недоумевала: что же это за «всякий случай» такой? Неужели кто-то случайно может пробраться тайком в их дом и отпереть двери и окна за те пятнадцать минут, что прошли между выходом Фибиных родителей и нашим? «Осторожность никогда не бывает лишней», – выдала на прощание миссис Уинтерботтом.

И тут позвонили в дверь. Мы с Фиби выглянули в окно. На крыльце стоял парень лет семнадцати-восемнадцати (хотя я не так точна в определении возраста людей, как миссис Партридж). Парень был одет в чёрную футболку и синие джинсы, а руки держал в карманах. И вообще казался каким-то дёрганным.

– Мама терпеть не может незнакомцев, – заявила Фиби. – Она уверена, что однажды такой вот незнакомец ворвётся в дом с пистолетом и окажется, что это псих, сбежавший из-под замка.

– Ох, Фиби, да ладно тебе, – сказала я. – Хочешь, я пойду и открою?

Фиби с трудом перевела дух и решила:

– Мы сделаем это вместе.

Она открыла дверь и заговорила ледяным тоном.

– Это дом 49 по Грей-стрит? – спросил парень.

– Да, – сказала Фиби.

– Так значит, Уинтерботтомы здесь живут?

Фиби подтвердила, что да, здесь живут Уинтерботтомы, а потом выпалила:

– Простите, я на минуту! – И захлопнула дверь. – Сэл, как по-твоему, он псих? Хотя пистолет ему вроде бы прятать некуда. Джинсы слишком тесные. Может, у него нож заткнут в носок?

Да, воображение у Фиби хоть куда!

– Фиби, он вообще без носков, – сказала я. Фиби снова открыла дверь.

– Я бы хотел повидаться с миссис Уинтерботтом, – сказал парень. – Она дома?
– Дома, – соврала Фиби.

Парень в нерешительности оглянулся. Его волнистая шевелюра растрепалась, а на щеках атели яркие пятна.

Он избегал смотреть нам прямо в глаза, и его взгляд метался туда-сюда.

– Я бы хотел с ней поговорить, – сказал он.

– Она не может выйти прямо сейчас, – отрезала Фиби.

Я подумала, что он прямо сейчас расплачется, когда Фиби это сказала. Он прикусил губу и быстро-быстро заморгал:

– Я подожду.

– Минутку, – сказала Фиби и закрыла дверь. Она сделала вид, будто пошла искать маму. – Мама! – крикнула она громко. – Ау! – громко топая, Фиби стала подниматься по лестнице, повторяя: – Мама!

Наконец мы обе вернулись к двери. Он так и стоял на месте, держа руки в карманах и растерянно глядя на Фибин дом.

– Вот незадача, – сказала ему Фиби. – Я была уверена, что она дома, но она, должно быть, куда-то вышла. Хотя здесь ещё полно народу, – торопливо добавила она. – Здесь целая толпа народу, вот только нет миссис Уинтерботтом.

– Миссис Уинтерботтом – твоя мать? – спросил он.

– Да, – сказала Фиби. – Передать ей что-то?

Яркие алые пятна на его щеках стали ещё ярче.

– Нет! – воскликнул он. – Нет, пожалуй, не стоит, – он снова оглянулся, а потом поднял взгляд на табличку на двери. – Как тебя зовут?

– Фиби.

– Фиби Уинтерботтом, – повторил он. Я подумала, что он сейчас отпустит шуточку по поводу её имени, но он не стал этого делать. Он посмотрел на меня и спросил: – А ты тоже Уинтерботтом?

– Нет, – ответила я. – Я здесь в гостях.

И тогда он ушёл. Просто повернулся на месте, медленно спустился с крыльца и пошёл прочь. Мы дождались, пока он скроется за поворотом, и только потом решили выйти сами. Всю дорогу до дома Мэри Лу мы бежали что было сил. Фиби не сомневалась, что этот парень вот-вот выскочит из засады. Как я уже говорила: воображение у неё было хоть куда.

Глава 9

Послание

По пути к Мэри Лу Фиби успела меня предупредить:

- У Мэри Лу семья совсем не такая цивилизованная, как наша.
- В каком смысле?
- Ох, ты сама увидишь.

Мэри Лу Финни и Бен Финни оба учились с нами в одном классе. Сперва я решила, что они родные брат и сестра, но Фиби сказала, что они двоюродные, просто Бен временно живёт в доме у Мэри Лу. Похоже, у Финни это было в порядке вещей: там всегда проживал временно хотя бы один родственник.

В доме у Финни мы столкнулись с настоящим столпотворением: у Мэри Лу была старшая сестра и трое братьев. И ещё там находились её родители и Бен. По всему дому валялись всякие штуки для футбола и баскетбола, и мальчишки не стеснялись съезжать по перилам, скакать по столам, говорить с набитым ртом и перебивать всех подряд бесконечными вопросами. Фиби оглянулась и сообщила мне громким шёпотом:

- Не похоже, чтобы родители Мэри Лу здесь что-то контролировали.
- Временами Фиби ведёт себя как настоящая зануда.

Мистер Финни лежал в ванне, прямо в одежде, и читал книгу. Из окна комнаты Мэри Лу я увидела, что миссис Финни устроилась на крыше гаража, положив под голову подушку.

- Что она там делает? – удивилась я.
- Царь царей! – выдала Мэри Лу, посмотрев в окно. – Она прилегла вздремнуть.

Когда мистер Финни выбрался из ванны, он пошёл на задний двор и стал перебрасываться мячом с Деннисом и Дуги, двумя из троих братьев Мэри Лу. При этом мистер Финни кричал: «Пас сюда!» и «Мазила!» и «Давай-давай!»

На прошлых выходных в школе был устроен спортивный праздник. Сперва родители смотрели на выступления своих детей, а когда начались соревнования, там были конкурсы и для родителей: вроде бега в мешках и «пронеси в ложке грейпфрут». Мой папа прийти не смог, зато пришли родители Мэри Лу и Фиби.

Фиби сказала:

– Эти игры иногда совсем уж детские, вот почему мои родители обычно в них не участвуют.

И её родители так и стояли в сторонке, пока мистер и миссис Финни носились во весь дух и кричали: «Пас сюда!» и «Давай-давай!» Пытаясь бежать в мешке, Финни спотыкались и падали на каждом шагу, и Фиби заметила:

- Наверное, Мэри Лу из-за них ужасно неловко.

Но мне это не казалось неловким. Мне казалось, что это весело, но я не стала говорить об этом Фиби. Я подумала, что в глубине души Фиби тоже считает, что это весело, и ей хотелось бы, чтобы её родители хотя бы немного походили на Финни. Однако она ни за что не призналась бы в этом, и в каком-то смысле мне в Фиби это нравилось: то, как она всегда старалась защищать свою семью.

В тот день, когда мы с Фиби повстречались с предполагаемым психом и потом убежали к Мэри Лу, случилось ещё кое-что странное. Мы сидели на полу в комнате Мэри Лу, и Фиби рассказывала ей о загадочном парне, похожем на психа. Братья Мэри Лу, Деннис, Дуг и Томми, носились по дому, то и дело забегали к нам в комнату, скакали по кровати и обстреливали нас из водяных пистолетов.

Бен, кузен Мэри Лу, развалился на её кровати и не спускал с меня чёрных-пречёрных глаз. Они выглядели как два сверкающих чёрных диска в глубоких глазницах. И у него были такие длинные и пушистые чёрные ресницы, что от них падали тени на щёки.

– Мне нравятся твои волосы, – сказал он мне. – Ты можешь на них сесть?

– Да, если захочу.

Бен взял листок бумаги со стола Мэри Лу, улёгся обратно на кровать и нарисовал что-то вроде ящерицы с длинными чёрными волосами: они спускались с плеч этой твари и превращались в кресло. Внизу Бен приписал: «Саламандра села на свои волосы».

– Очень смешно, – сказала Фиби. Она вышла из комнаты, и Мэри Лу следом за ней.

Я повернулась было, чтобы вернуть рисунок Бену, но он вдруг подался вперёд и скользнул губами по моей ключице. Его губы всего на миг задержались на моей коже. Его макушка оказалась у меня под носом: она странно пахла грейпфрутом. А потом он уже скатился с кровати, схватил рисунок и выскочил вон.

Он что, взаправду *поцеловал* меня в ключицу? И если да, то почему он это сделал? Не был ли этот поцелуй нацелен на какое-то другое место – например, на мои губы? От одной этой мысли у меня мурашки бежали по спине. Я всё это вообразила? Может, он просто нечаянно задел меня, когда соскочил с кровати?

На обратном пути из дома Мэри Лу Фиби спросила:

– Там было очень... *громко*, да?

– А по мне так нормально, – машинально ответила я.

Потому что вспомнила, как папа однажды сказал маме: «Мы заполним этот дом детворой! Заполним до отказа!» Но они так и не заполнили. Там были только я и они, а под конец только я и папа.

Когда мы вернулись домой к Фиби, её мама лежала на диване с холодным компрессом на глазах.

– Что случилось? – спросила Фиби.

– Ох, ничего, – заверила миссис Уинтерботтом. – Ничего не случилось.

Тогда Фиби рассказала ей про парня, который мог оказаться психом, который приходил к ним домой. Эта новость ужасно всполошила миссис Уинтерботтом. Она пожелала выяснить в точности всё, что сказал он, и что сказала Фиби, и как он выглядел, и что он делал, и что делала Фиби, и повторяла свои вопросы снова и снова. Наконец миссис Уинтерботтом сказала:

– По-моему, лучше не говорить о нём вашему папе.

Она потянулась, чтобы обнять Фиби, но Фиби отклонилась. А позже сказала:

– Как странно. Обычно мама рассказывает папе абсолютно всё.

– Может, она просто не хочет, чтобы тебе досталось за то, что ты разговаривала с незнакомцем.

– Мне всё равно не нравится что-то утаивать от него.

Мы вышли на крыльцо и там на последней ступеньке заметили белый конверт. На нём не было указано ни имени, ни адреса – вообще ничего. Я решила, что это рекламный проспект, предлагающий покрасить дом или убрать в гостиной – что-то в этом роде. Фиби открыла конверт.

– Чёрт! – вырвалось у неё.

Внутри оказался листок голубой бумаги, на котором было написано:

Не суди человека, пока не обойдёшь две луны в его мокасынах.

– Очень странные дела, – сказала Фиби. Когда она показала послание своей маме, миссис Уинтерботтом стиснула руки и спросила:

– Кому оно может быть адресовано?

В эту минуту через заднюю дверь вошёл мистер Уинтерботтом, он нёс свои клюшки для гольфа.

– Джордж, взгляни на это, – обратилась к нему миссис Уинтерботтом. – Для кого оно может быть?

– Вот уж понятия не имею, правда, – ответил мистер Уинтерботтом.

– Но, Джордж, с какой стати кому-то слать нам такие письма?

– Я не могу сказать, Норма. Может, оно вовсе не для нас.

– Не для нас? – переспросила миссис Уинтерботтом. – Но мы нашли его на нашем крыльце!

– Да ладно тебе, Норма. Оно может быть для кого угодно. Может, это для Пруденс. Или для Фиби.

– Фиби? – тут же набросилась на неё миссис Уинтерботтом. – Это письмо тебе?

– Мне? – Фиби искренне удивилась. – Вот уж не думаю!

– Но тогда кому? – миссис Уинтерботтом никак не могла успокоиться.

И я тогда подумала, что она решила, что будто это письмо от парня, который мог оказаться психом.

Глава 10

Па-даб-ду-ба

Я как раз успела рассказать бабушке с дедушкой про загадочное послание, когда дедушка резко съехал с трассы. Он сказал, что до того устал глотать мили, что разделительная линия уже ему подмигивает. Так мы оказались в Мэдисоне, штат Висконсин, и бабушка сказала:

– Мне немного жаль миссис Уинтерботтом. Не похоже, чтобы она была очень довольна жизнью.

– А по мне так все они себе на уме, – проворчал дедушка.

– Быть матерью – ещё труднее, чем удержать волка за уши! – сообщила бабушка. – Если у тебя их трое, или четверо, или больше – цыпляточек, ты каждый день словно танцуешь с ними на гриле. И ни о чём другом уже и думать не успеваешь. Ну а коли у тебя только один или два – и того хуже. Остаётся слишком много пустого места – такого, которое так и не сумели заполнить.

– Ну, должен признаться, что быть отцом не легче, – заметил дедушка.

– А вот и нет! – бабушка хлопнула его по руке.

Мы кружили и кружили без конца, пока дедушке не удалось найти место для парковки. Другая машина тоже ринулась туда, но дедушка оказался проворнее. Когда он заглушил двигатель и другой водитель начал грозиться кулаком, дедушка заявил:

– Я ветеран! Видишь мою ногу? В ней засела шрапнель от немецкой пушки. Я защищал свою страну!

У нас не нашлось мелочи, чтобы опустить в автомат и заплатить за парковку, и дедушка написал целое письмо о том, что он приехал сюда из самого Бибэнкса, штат Кентукки, и что он ветеран Второй мировой войны с немецкой шрапнелью в ноге, и что он будет премного благодарен чудесному городу Мэдисону и его великодушным гражданам за возможность пользоваться этой парковкой, хотя у него не нашлось мелочи, чтобы за неё заплатить. Он сунул эту записку под дворник на лобовом стекле.

– У тебя правда в ноге немецкая шрапнель? – спросила я.

Дедушка глубокомысленно уставился на небо и сказал:

– Просто восхитительный денёк.

Шрапнель была воображаемой. Иногда я здорово торможу, пока пойму такие штучки. Папа как-то сказал, что я просто бесподобна. А я решила, что услышала «съедобная». Вроде как вкусная.

Город Мэдисон зажат между двумя озёрами: Мендота и Монона, и вдобавок ещё множество мелких озёр разбросано по окрестностям. Это выглядит так, будто целый город выехал на пикник: кто-то катается на велике, кто-то гуляет по берегу и кормит уток, кто-то ест или катается на лодках и досках с парусом. Я никогда ещё такого не видела. А бабушка без конца припевала:

– Па-даб-ду-ба! Па-даб-ду-ба!

Ещё там была пешеходная зона, куда не разрешалось въезжать на машинах и где люди просто гуляли и ели мороженое. Мы зашли в «Кошерные деликатесы у Эллы» и кафе-мороженое и съели кошерную пастроу и соленья, и вдобавок малиновое мороженое. Потом мы немного погуляли и проголодались снова, и решили подкрепиться холодным лимонным чаем и ежевичными кексами в кафе «Чай и пиво».

Но вскоре я снова услышала: *спеши-спеши-спеши*. А дедушка с бабушкой, как назло, никуда не торопились. Я то и дело спрашивала у них:

– Нам не пора ехать дальше?

А бабушка отвечала:

– Па-даб-ду-ба!

И дедушка вторил ей:

– Уже скоро, цыплёночек, скоро.

– Ты не хочешь отправить кому-нибудь открытку? – предложила бабушка.

– Нет, не хочу.

– Даже папе?

– Даже папе.

И у меня была на это очень серьёзная причина. На всём своём пути мама посылала мне открытки. Она писала: «Вот я и в Бэдленде, ужасно скучаю без тебя». Или «Это гора Рашмор, но я не вижу ни одного лица президента – только твоё». Последняя открытка пришла через два дня после того, как мы узнали, что она больше не вернётся. Она была из Кер-д'Ален, Айдахо. На ней была фотография чудесного голубого озера в окружении соснового леса. А на обороте написано: «Завтра я буду в Льюистоне. Я люблю тебя, моя Саламанка Дерево».

Наконец дедушка сказал:

– Не хочу я возвращаться на эту дорогу, да только время не терпит!

Да, подумала я. Да-да-да-да-да!

Бабушка немного поспала в машине, и я успела вознести ещё пару-тройку тысяч молчаливых молитв. Я отвлеклась от этого занятия только тогда, когда обнаружила, что дедушка снова съехал с трассы.

– Посмотрите-ка, – сказал он. – Это же Висконсин-Делс, – он зарулил на огромную стоянку и сказал: – Вы бы пока прогулялись. А я вздремну.

Мы с бабушкой сунули нос в старый форт, а потом сели на траву и стали смотреть на коренных *амэриканцев*, танцевавших под бубен. Маме никогда не нравилось это выражение – *коренные амэриканцы*. Она считала его грубым и неправильным. Она говорила:

– Моя прапрапрабабка была индеанкой из племени сенека, и я этим горжусь. Она не была коренной амэриканкой сенека. Индеанка звучит гораздо более достойно и элегантно.

И хотя в школе нас учили говорить «коренные амэриканцы», я была согласна с мамой. Индеанка звучало намного лучше. Мы с мамой гордились этой индейской частью нашего прошлого. Мама повторяла, что оно делает нас восприимчивыми к дарам природы, сближает с землёй.

Я откинулась на спину и закрыла глаза, вслушиваясь, как бубны гремят: *скорей-скорей-скорей*, а танцоры поют: *спеши-спеши-спеши*. Где-то зазвенели бубенчики, и на какой-то миг я приняла их за рождественские бубенцы Санта-Клауса. А когда открыла глаза, бабушки рядом не было.

Я стала озираться по сторонам и старалась вспомнить, где мы поставили машину. Я смотрела то на толпу, то на деревья, то на платную парковку. В голове крутилось: «Они уехали! Они бросили меня!» Я принялась проталкиваться сквозь толпу.

Люди хлопали в ладоши в одном ритме с бубном. Я бестолково металась кругами и совсем не соображала, откуда мы сюда пришли. Мне было видно три указателя на три разные парковки. Бубны всё гремели. Я проталкивалась между людьми, а они хлопали всё громче, увлечённые бубном.

Индейцы теперь встали в два круга, один в другом, и высоко прыгали на месте. Мужчины в красивых головных уборах из перьев и коротких передниках танцевали во внешнем круге. На ногах у всех были мокасины, и я вдруг вспомнила про послание Фиби:

Не суди человека, пока не обойдёшь две луны в его мокалинах.

Внутри мужского круга, взявшись за руки, водили хоровод женщины в длинных платьях, украшенных бусами. Они окружали пожилую женщину в центре в простом полотняном платье. Её головной убор был так велик, что сполз ей на нос.

Я присмотрелась внимательнее. Женщина в центре старательно прыгала на месте. На ногах у неё были простые белые туфли. А в промежутках между ударами бубна я услышала, как она припевает:

– Па-даб-ду-ба!

Глава 11

Недотроги

На следующий день рано утром мы покинули Висконсин и продолжили путь, глотая мили вдоль южной границы Миннесоты. Мы проезжали по зелёной холмистой местности, где леса подступали к самой трассе, а воздух был напоён ароматом сосен.

– Наконец-то! – воскликнул дедушка. – Хоть какое-то разнообразие! Я люблю разнообразие! А ты, цыплёночек?

Я так и не стала говорить о том, что случилось накануне, когда я до полусмерти испугалась, вообразив, что они меня бросили. Я сама не понимала, что это на меня нашло. Наверное, с того дня, как мама бросила нас тем апрельским утром, я подспудно боялась, что меня бросят все близкие, один за другим.

И я была рада вернуться к истории Фиби, потому что когда рассказываешь, трудно думать о чём-то другом.

– И что, Пипи получила новое письмо? – спросила бабушка.

Она получила. На следующее воскресенье мы с Фиби снова собрались в гости к Мэри Лу. Когда мы вышли из дома Фиби, на крыльце лежал ещё один белый конверт с листком голубой бумаги. Послание гласило: *У каждого своя повестка дня.*

Мы с Фиби долго осматривали улицу. Никаких следов того, кто оставил послание. Мэри Лу сочла эти письма (и это, и прошлое) очень интригующими.

– Это так загадочно! – воскликнула она. – Вот бы кто-нибудь оставлял послания *мне!*

Зато Фиби считала эти послания жуткими. Правда, её пугали не письма – в них не было ничего ужасного – а сама мысль о том, что кто-то неизвестный шастает возле их дома и оставляет конверты на крыльце. Она боялась, что кто-то нарочно следит за их домом, оставаясь невидимкой. Фиби была первоклассной трусихой.

А пока мы пытались понять, что значит это послание.

– Итак, – сказала Фиби, – повестка дня – это список дел, которые обсуждают на совещании...

– Так, может, это для твоего папы? – предположила я. – Он же ходит на совещания?

– Ну, наверное, ходит, – неуверенно ответила Фиби. – Он целый день так занят...

– Тогда это, может быть, от его босса, – сказала Мэри Лу. – Может, твой папа иногда опаздывает на совещания?

– Мой папа очень организованный, – тут же возразила Фиби.

– А при чём тут тогда первое послание? – продолжала рассуждать Мэри Лу. – *Не суди человека, пока не обойдёшь две луны в его мокасинах?*

– Я знаю, что это значит, – сказала я. – Я часто слышала эти слова от папы. Раньше я представляла себе две луны, которые сидят рядышком, но папа объяснил, что ты не должен судить другого человека, пока не поносишь его мокасины. То есть пока не поставишь себя на его место. На его точку зрения.

– И твой папа часто так говорит? – встрепелась Фиби.

– Я знаю, к чему ты клонишь, – сказала я. – Но это не папа шатается вокруг дома и оставляет послания. Это не его почерк.

Когда в комнату к Мэри Лу зашёл Бен, она спросила его, что он думает об этих посланиях. Он взял листок бумаги с её стола и быстро набросал картинку. Меня охватило жутковатое чувство, потому что там в точности была изображена моя старая фантазия: две луны, которые сидят рядышком.

– А может, – обратилась к Фиби Мэри Лу, – твой папа слишком поспешно судит людей у себя на работе? И сперва ему надо походить в их мокасынах?

– Мой папа *не судит* людей слишком быстро, – возмутилась Фиби.

– Какая ты шепетильная! – заметил Бен.

– Ничего я не шепетильная! Я просто хочу сказать, что мой папа не судит людей слишком быстро.

Позднее мы решили пойти купить шоколадных батончиков. Я думала, что пойдём только мы втроём: Фиби, Мэри Лу и я, но не успели мы выйти из дому, как с нами увязались Томми и Дуги, а под конец Бен сказал, что тоже пойдёт.

– Не понимаю, как ты это терпишь, – сказала Фиби Мэри Лу.

– Что терплю?

Фиби молча кивнула на Томми и Дуги, нарезавших вокруг нас круги, как заводные игрушки. Они жужжали, как самолёты, и гудели, как поезда, и проносились между нами, и убегали вперёд, чтобы с криками свалиться в куча-мала, и снова вскочить на ноги, смеясь и толкаясь, и помчаться ловить шмелей.

– Я привыкла, – сказала Мэри Лу. – Мои братья всегда ведут себя так, будто у них мозги всмятку.

Бен всю дорогу шёл за мной по пятам, заставляя меня нервничать. Я то и дело оглядывалась, желая понять, что он там делает, а он знай себе шагал и улыбался.

Томми врзвался в меня, и я едва не упала, но тут Бен меня поймал. Он обхватил меня руками за талию и не отпускал, даже когда стало ясно, что я уже не упаду. Я снова уловила этот странный запах грейпфрута и почувствовала, что его лицо прижимается к моим волосам.

– Пусти! – сказала я, но он не убрал руки.

И у меня возникло странное чувство, как будто по спине ползёт какое-то маленькое существо. Это ощущение не было неприятным – скорее щекочущим и лёгким. Я даже подумала, не засунул ли он что-то мне за шиворот.

– Пусти! – повторила я, и он наконец послушался.

Мы как раз стояли и покупали шоколадки, когда я немного испугалась. Не иначе как я слишком долго слушала Фибины страшилки про психов и маньяков с топорами. Мы с Фиби рассматривали журналы на прилавке, когда я почувствовала на себе чей-то взгляд. Я первым делом разыскала глазами Бена, но они с Мэри Лу выбирали себе батончики. А чувство не уходило. Я обернулась в другую сторону, и в дальнем конце зала увидела того самого дёрганого парня, который приходил к Фиби домой. Он стоял у кассы и за что-то расплачивался, но при этом не спускал с нас глаз, вслепую протягивая деньги кассирше. Я пихнула локтём Фиби.

– Ох, только не это! – воскликнула она. – Опять этот псих! – Фиби подскочила к Бену и Мэри Лу и зашептала: – Быстро, смотрите, вон там этот псих!

– Где?

– У кассы!

– Но там никого нет, – удивилась Мэри Лу.

– Он только что был там! – восклицала Фиби. – Честное слово! Спросите Сэл!

– Он там был, – подтвердила я.

Позднее, когда мы ушли от Мэри Лу и возвращались домой к Фиби, за спиной вдруг послышались торопливые шаги: кто-то гнался за нами. Фиби решила, что тут нам и конец.

– Если нам проломают голову и этот псих бросит нас здесь в переулке... – начала она.

Я почувствовала, как меня схватили за плечо, и открыла рот, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука. Напрасно мой мозг повторял: «Кричи! Ори во всю глотку!» Я совершенно лишилась голоса.

Это оказался Бен.

– Что, испугались?

– Это была глупая шутка, – сказала Фиби.

– Я провожу вас домой, – сказал он. – Просто на случай, если тут... окажется какой-нибудь этот... псих, – почему-то ему трудно было выговорить «псих».

По дороге Бен вообще наговорил странных вещей. Во-первых, он заявил:

– Может, зря вы зовёте его психом.

– Это почему же? – рассердилась Фиби.

– Да потому что псих – это... это значит... ладно, проехали, – он не захотел объясняться и, кажется, даже пожалел, что вообще заговорил на эту тему. И тогда спросил у меня: – У вас дома что, никто ни к кому не прикасается?

– А это ты к чему?

– Мне просто интересно. Ты каждый раз шарахаешься, стоит к тебе прикоснуться.

– Я не шарахаюсь.

– Шарахаешься, – и он взял меня за руку.

Честно говоря, я едва не шарахнулась, но сумела удержаться. И даже сделала вид, будто не замечаю, что он не спешит отпустить мою руку. И тут снова зашевелилась та мелкая зверушка у меня на спине.

– Хмм, – задумчиво промычал Бен, как будто доктор на осмотре пациента. – Где твоя мама?

Я не говорила ни слова о маме никому, даже Фиби, кроме того раза, когда она спросила про неё, а я сказала, что она с нами не живёт. А Бен продолжал:

– Я однажды видел твоего отца. Но маму ни разу. Где она?

– Она в Айдахо. В Льюистоне, штат Айдахо.

– Что она там делает? – тут же спросил Бен.

– Мне не хотелось бы об этом говорить, – и даже в голову не пришло спросить Бена, а где же *его* мама?

Он снова взял меня за руку. А когда я отшатнулась, воскликнул:

– Ага! Попалась!

И меня задела не на шутку его слова. Я вдруг сообразила, что папа больше не обнимает меня так же часто, как прежде, и я действительно стала шарахаться от прикосновений других людей. Хотя прежде у нас в семье объятия были обычным делом. Я вспомнила, как мне было девять или десять лет. Мама прилегла в постель вместе со мной, прижала к себе и сказала:

– Давай построим плот и поплывём вниз по реке.

И я потом часто представляла себе этот плот, и искренне верила в то, что мы построим его и поплывём вниз по реке все вместе. Но когда она собралась в Льюистон, штат Айдахо, она отправилась одна.

А Бен уже схватил за руку Фиби. Она отшатнулась.

– Ага! – выкрикнул он. – Попалась! Ты тоже шарахаешься, Фиби-со-льдом!

И это тоже меня задело. Я уже обращала внимание на то, какими напряжёнными кажутся все в семье у Фиби, скованными, уважаемыми и *застёгнутыми* на все пуговицы. Неужели я становлюсь такой же? А они почему стали такими? Несколько раз я ловила Фибину маму за попыткой приласкать Фиби, или Пруденс, или мистера Уинтерботтома, но все они отклонялись от неё. Как будто они переросли её и стали старше.

Не пыталась ли и я отклоняться от мамы? И у неё остались в душе незаполненные места? Не потому ли она нас бросила?

На подходе к Фибиному дому Бен сказал:

– Ну вот, теперь вы в безопасности. Пожалуй, я пойду.

– Давай, – ответила Фиби.

Миссис Кадавр со скрипом затормозила перед домом на своём жёлтом «Фольксвагене», отчего рыжие растрёпанные волосы встали дыбом, как у ведьмы. Она вылезла из машины и стала выставлять из багажника пакеты с покупками.

– Кто это? – спросил Бен.

– Миссис Кадавр.

– Кадавр? Это как мёртвое тело?

– Точно.

– Привет, Сэл! – поздоровалась миссис Кадавр. Она неловко плюхнула на тротуар увесистый пакет. Бен предложил помочь занести вещи. – Боже, какой ты вежливый! – воскликнула миссис Кадавр, хлопая серыми глазищами.

– Я её боюсь до полусмерти, – громко прошептала Фиби. – Не ходи к ней!

– Почему это? – Бен спросил так громко, что привлёк внимание миссис Кадавр. – Ну, чего?

– Ох, ничего, – ответила Фиби.

– Сэл, а ты не хочешь зайти? – пригласила меня миссис Кадавр.

– Я как раз собиралась к Фиби, – сказала я, радуясь этой отговорке.

Тут на крыльцо вышла мама Фиби:

– Фиби? Что ты здесь делаешь? Почему не заходишь?

И мы оставили Бена. Поднимаясь к Фиби на крыльцо, мы всё оглядывались на Бена, тащившего что-то по дорожке к дому. Это был сверкающий новенький топор.

– Это не брат Мэри Лу? – спросила мама Фиби. – Он провожал вас до дома? А где Мэри Лу?

– Терпеть не могу, когда ты задаёшь по три вопроса подряд, – заявила Фиби.

В окно нам было видно, как Бен с топором в руках поднимается на крыльцо дома миссис Кадавр. Фиби крикнула:

– Не входи!

Но миссис Кадавр уже распахнула дверь, и Бен скрылся внутри.

– Фиби, *в чём дело?* – спросила её мама.

Тогда Фиби вытащила из кармана белый конверт с новым посланием.

– Мы нашли это снаружи, – сказала она.

Миссис Уинтерботтом открывала конверт с такой осторожностью, как будто там была спрятана бомба.

– Ох, деточка! – воскликнула она. – От кого это? И кому? Что бы это значило?

Фиби объяснила, что такое повестка дня.

– Фиби, я знаю, что такое повестка дня. Но всё это мне очень не нравится. Я хочу знать, кто их отправляет.

Я ждала, что сейчас речь зайдёт и про то, что мы видели в магазине того дёрганого парня, но о нём Фиби не упомянула. Вскоре мы увидели, что Бен вышел от миссис Кадавр. Нам он показался вполне целым, не разрубленным на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.